

ТЕОРИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Т.В. Скороспелова*

ГЕНДЕРНАЯ ПРОБЛЕМАТИКА В ИССЛЕДОВАНИЯХ ФЕНОМЕНА ВОЙНЫ

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования*

*«Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»
119991, Москва, Ленинские горы, 1*

Гендерные исследования, появившиеся в теории международных отношений еще в годы «холодной войны», окончательно оформились в качестве полноправного научного направления уже в 1990-е годы. С самого начала в центре внимания подобных исследований оказались ключевые для всей теории международных отношений концепции и понятия, такие как «государство», «власть», «безопасность», «война». Именно на вкладе гендерных исследований в изучение проблематики войны в современных условиях и сделан акцент в данной статье. В первой части рассмотрены взгляды исследователей на традиционные гендерные роли, приписываемые женщинам в условиях военных действий: образы женщины-матери и хранительницы очага, женщины-жертвы. Показано, что за ними кроется более широкий комплекс проблем, связанный с индоктринацией определенных властных отношений в обществе в целом. Во второй части статьи автор обращается к проблеме восприятия в академическом и медийном дискурсе новых гендерных ролей, в рамках которых формируются образы женщины-солдата и воина, а также женщины-террористки. В этой связи автор обращает внимание на своеобразный парадокс: если на практике, в ходе меж- и внутригосударственных военных действий, объективно происходит стремительное закрепление за женщинами новых гендерных ролей в том, что касается войны, то в теории и массовом сознании продолжают доминировать традиционные гендерные стереотипы. В этой связи автор заключает, что именно вопросы безопасности и войны и в дальнейшем будут играть определяющую роль в развитии гендерных исследований в теории международных отношений, и обозначает несколько наиболее перспективных направлений в этой области.

Ключевые слова: теория международных отношений, гендер, гендерные исследования, феминизм, гендерные стереотипы, война, безопасность, фемининность, маскулинность.

* Скороспелова Татьяна Владимировна — доктор исторических наук, доцент факультета мировой политики МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: tvs@fmp.msu.ru).

Гендерное измерение исследований безопасности: к постановке проблемы

Серьезные перемены в международном положении России, наблюдаемые в настоящий момент, а также общая повышенная напряженность современной глобальной обстановки требуют обновленных подходов к международной проблематике. Подобную возможность может предоставить взгляд на нее сквозь призму гендерной проблематики в исследованиях феномена войны.

В отечественном научном дискурсе по проблемам международных отношений гендерная проблематика¹ начала активно формироваться в период окончания «холодной войны». Тема получила освещение в учебниках по международным отношениям [Торкунов, Мальгин, 2012; Цыганков, 2016], в вузовских спецкурсах и ряде содержательных исследовательских статей [Виноградова, Панцеров, 2016; Виноградова, 2010].

Такое относительно позднее появление гендерной проблематики отчасти было связано с господствовавшим представлением о нейтральности науки о международных отношениях к проблемам пола, а отчасти с тем, что истоки дискриминации, по мнению исследователей, феминисты обнаруживали главным образом во внутренней политике, оставаясь безразличными к международной сфере [Тикнер, 2006; Сергунин, 2003].

Представителей феминистского направления, утвердившегося в рамках международно-политических исследований, интересовали роль женщин, формы их притеснения и эксплуатации в современной мировой политике и, что особенно важно, взаимосвязь гендера и существующих концепций международных отношений.

Кульминационной точкой оформления гендерного направления, оказавшего влияние на понятия, теории и концепции мировой политики, стал, по мнению американских исследователей, 1988 год, когда вышел в свет специальный выпуск журнала «Милениум» — «Женщины и международные отношения». Э. Тикнер, критикуя в этом выпуске политический реализм Г. Моргентау, отметила, что «международные отношения — это мир мужчин, мир власти и конфликта, в котором состояние войны является предпочтительным» [Tickner, 1988: 429].

¹ Понятия «гендерные исследования» и «феминистские исследования» не являются синонимичными. Феминисты используют категорию «гендер» в качестве инструмента анализа. Однако в данной статье мы используем эти понятия как взаимозаменяемые.

«Миллениум» появился в контексте общей потребности зарубежной науки в новых подходах к изучению мировой политики. В период «холодной войны» в сфере международных отношений господствовала парадигма политического реализма, концентрирующаяся на вопросах национальной безопасности в рамках противостояния двух сверхдержав — СССР и США — и поддерживавших их военно-политических блоков. Распад биполярной системы спровоцировал в 1980-е годы кризис традиционных подходов в теории международных отношений и положил начало новому «большому спору» — о месте государства в мировой политике [Keohane, 1989; Sylvester, 1994; Тикнер, 2006], в контексте которого значительное влияние приобрели так называемые критические международные теории. Одна из них, заявившая о перспективах собственных исследований вопросов безопасности, войны и мира, родилась в контексте феминистского направления [Tickner, 1988; Enloe, 2000; Sjoberg, 2010a]. Произошла своего рода «экспансия» гендерного измерения в исследования международных отношений и мировой политики в целом.

Доминантой феминистских исследований в сфере международных отношений оказалась их центральная проблема — безопасность [Elshtain, 1987; Enloe, 2000; Wilcox, 2010]. Как отметил американский политолог Р. Кеохейн, феминистские исследователи готовы начать продуктивную дискуссию с участием специалистов по международным отношениям, сторонников феминизма и других людей, которые обеспокоены безопасностью в самом широком смысле этого слова [Keohane, 1989]. С такой точки зрения угрозы безопасности включают не только войну и международное насилие, но и внутригосударственные беспорядки, изнасилования, бедность, нищету, гендерную дискриминацию и экологические разрушения [Tickner, 1992]. Феминистские исследователи расширили не только понятие о безопасности, но и представления о круге акторов, к которым концепция безопасности применяется: феминисты анализируют индивидуальную безопасность, безопасность отдельных групп населения, а также безопасность государств и международных организаций. По мнению представителей этого подхода, «то, что затрагивает личность, затрагивает мировое сообщество, и наоборот: все международное носит личный характер» [цит. по: Sjoberg, 2010a: 5].

Например, как утверждает Э. Тикнер, «безопасность нужно понимать не только как защиту страны от нападения», поскольку понятие «безопасность» для женщины может трактоваться иначе

и включать также защиту от агрессии со стороны собственных сограждан [Encyclopedia of feminist theories, 2002: 273].

Выступая за эмансипацию женщин, феминисты предлагают рассматривать связь между безопасностью индивидов, групп людей и насилием как в структурном, так и в физическом смысле на всех уровнях. В отличие от представителей других «критических теорий», феминисты считают гендер ключевым элементом «анализа снизу вверх», а гендерное неравенство — негативным фактором, влияющим на безопасность индивидов и групп и определяющим доминирование мужского начала в политике государства [Тикнер, 2006: 120–122; Митрофанова, 2001].

Одной из самых актуальных тем в исследовании международной безопасности через призму гендерной проблематики является освещение роли женщины на войне.

Традиционные представления о роли женщины на войне

Сфера войны более любой другой сферы жизни тесно связана с гендерной дихотомизацией человечества и традиционными гендерными ролями: мужчины-воина, женщины-матери и хранительницы очага. Сегодня эта ролевая парадигма существенно расширилась, что нашло отражение в западной научной литературе.

В гендерных исследованиях, на наш взгляд, женщины, участвующие в военных действиях, описаны в нескольких ключевых ипостасях: женщины-матери и хранительницы очага, женщины-солдата, воина и женщины-террористки.

Образ женщины-матери и хранительницы очага, становящейся жертвой вооруженных конфликтов, является самым распространенным и центральным в литературе, посвященной проблемам войны и безопасности.

Традиционный нарратив о «праведных воинах» и беззащитных представительницах «слабого пола» феминисты рассматривают как способ, к которому прибегают государства для легитимации войны и для того, чтобы побудить солдат сражаться за женщину-жертву [Huston, 1983]. Главной фигурой в этой истории является герой, который защищает своих женщин и детей от врага, жертвуя собой для блага своего дома [Elshtain, 1991]. Таким образом, «праведные» воины идут на войну не для того, чтобы убивать, а для того, чтобы умереть, защищая «слабый пол» и детей. Репрезентация беззащитности женщин ассоциировала ее с тем, за что борются мужчины, — с мирной жизнью по возвращении домой. Женщины становились, таким образом, одновременно и объектом, и целью войны, но не ее участницами.

Исследователи-феминисты отмечают, что тезис о войне как защите «слабого пола» может служить целям оправдания наступательных военных действий, а также наращивания военного присутствия. Этот парадокс приводит к тому, что государства начинают рассматривать нападение как лучший вид обороны, развязывая войны во имя защиты тех, кто в ней нуждается. В результате подобная риторика обычно лишь увеличивает вероятность реализации наступательных военных стратегий [Wilcox, 2010]. В частности, по мнению С. ван Эвера, на протяжении десятилетий, предшествовавших Первой мировой войне, во многом по этой причине в Европе наблюдался «культ наступления». «Вера в возможность быстрого завоевания в итоге наполнила общественные представления, и “культ наступления” был некой движущей силой, приведшей к Первой мировой войне» [Van Evera, 1998: 69]. Л. Уилкоккс, изучая теории наступления-обороны, приходит к похожему выводу: по его мнению, идея защиты слабых граждан не просто служила опорой наступательной политики в Первую мировую войну, но и способствовала установлению конфигурации гендерных отношений власти, которые позиционируют мужчину как защитника нации от врагов, угрожающих чистоте простодушных и беззащитных женщин [Wilcox, 2010].

Примеры оправдания нападения необходимостью защиты граждан можно также найти и в современной политике. Различные гуманитарные войны 1990-х годов интерпретируются феминистскими исследователями в том смысле, что НАТО и другие акторы как бы заново открыли себя в роли мужественных, героических спасателей слабых и пассивных жертв [Orford, 1999]. А. Фарманфармайн показывает, как доклады, содержащие информацию о том, что иракские военные насилюют женщин в Кувейте, были использованы для того, чтобы создать образ врага в лице Ирака и сделать войну не просто осуществимой, но и неизбежной [Farmanfarmanian, 1998]. Чуть позже идея о «раскрепощении» женщин была использована для того, чтобы свергнуть режим Саддама Хусейна. Трактовка войны в Ираке как спасения «дев в беде» из тисков злодея помогает объяснить, почему многие люди в США и союзных странах верили, что вторгающиеся войска «встретят как освободителей» [Wilcox, 2010: 76–77].

С феноменом войны в феминистских исследованиях тесно связана проблема гендерно мотивированного насилия, которая наиболее ярко и остро проявляется в военное время [Brownmiller, 1975].

Исследователи обратили внимание, что насилие сексуального характера не только более распространено в военное время, чем в

мирное, но и приобретает новые характерные черты [Enloe, 2000]. Подчеркивая серьезную угрозу безопасности женщин во время военных действий, связанную с сексуальным насилием, феминисты пришли к выводу, что оно является как развлечением, так и оружием. В настоящее время хорошо известны примеры, когда изнасилование используется как «тактика» войны с целью унижить или деморализовать врага. Эти цели преследовало изнасилование женщин японцами в китайском городе Нанкине в 1937 г. А. Чан приводит данные о том, что более 300 000 человек были убиты, а около 20 000 женщин и детей были изнасилованы [Chang, 1997].

Л. Хансен, обращаясь к проблеме насилия во время войны, считает, что лучшая стратегия безопасности для женщин в момент физического насилия заключается в том, чтобы «молчать, отрицать произошедшее или, если об этом случае все узнали, бежать прочь». Для женщин практически невозможно открыто говорить о физическом насилии, поскольку это повлечет за собой неприятные последствия [Hansen, 2000: 295].

Изучая геноцид в Руанде в 1994 г., Е. Поули подчеркивает, что помимо физического насилия женщины пострадали от потери средств к существованию, насильственного перемещения, отрыва от семьи, психологических травм [Powley, 2003: 172]. Исследуя проблему насилия в Мозамбике, Уганде и Сьерра-Леоне, С. Маккейн и Д. Мазурана [McKay, Mazurana, 2004] приходят к выводу, что женское население этих стран испытывает притеснения практически во всех сферах жизни. В некоторых общинах многие женщины подвергаются сексуальной эксплуатации и насилию со стороны мужчин. При этом нередко сексуальное насилие используется в отношении девушек и женщин в военных целях как средство дестабилизации обстановки и деморализации противника. Беженцы и перемещенные женщины рискуют стать жертвами насилия на всех стадиях перемещения: во время бегства, в лагерях беженцев и в странах, где они ищут убежища. Авторы подчеркивают, что с официальным окончанием военного конфликта насилие для женщин и девушек не заканчивается: риск пострадать в этот период даже выше из-за неспособности государства предотвратить подобные случаи, расследовать и наказать виновных.

Участь женщин, на плечи которых падает бремя последствий вооруженных конфликтов, развязанных в современном мире, укрепляет традицию репрезентации страдательного положения «слабого пола». Таким образом, представление о женщине — жертве войны является самым распространенным.

Новые гендерные роли vs старые стереотипы

Однако существует и другая категория женщин, которые опровергают представление о «слабом поле» как исключительно о жертвах. Женщины-солдаты и женщины-террористки разрушают этот стереотип. Еще Д.Э. Эльштайн в книге «Женщины и война» описала женщин — участниц сражений, спартанских матерей, женщин-революционеров, насилие со стороны которых в истории военных действий подрывает традиционные представления. Автор, рассматривая гендерные роли на войне через дихотомию «справедливый воин / прекрасная дева», показывает, как отношения защитник/защищаемый служат оправданием для исключения женщин из военной сферы [Elshtain, 1987].

Принимая на себя мужскую роль защитника, женщины тем самым бросили прямой вызов традиционным гендерным концепциям женщины-матери, хранительницы домашнего очага.

Л. Сьюберг описывает известный случай соприкосновения женщины с военными действиями — судьбу Жанны д'Арк, ставшей во главе войск при освобождении г. Орлеана в 1429 г. По мнению автора, историю Жанны д'Арк нельзя понять без отсылки к тому, что она была женщиной-командиром, что из-за этого ей пришлось переодеваться в мужчину и притворяться тем, кем она не была. Многие ее современники считали, что она делала нечто неестественное, называли это святотатством. По их мнению, будучи женщиной, она должна была одеваться и действовать как женщина, что автоматически исключало участие в войне. Отказ Жанны д'Арк действовать «как женщина» послужил доказательством ее ереси. Ожидания, основанные на гендерном восприятии, сыграли роль в ее жизни и в конце концов привели к ее смерти [Sjoberg, 2010b: 53–54].

Таким образом, служба женщин в вооруженных силах находится в явном противоречии с преобладающим восприятием их как слабых и ждущих защиты от войн, которые ведут мужчины. Несмотря на вовлеченность женщин в военные действия, они не имеют статуса воинов, равных с мужчинами. Даже когда участие женщин в боевых действиях признается, оно воспринимается как особый вид борьбы [Sjoberg, 2010b: 58–59].

Казалось бы, сегодняшнее активное привлечение женщин в вооруженные силы привело к фактической смене гендерных ролей. Так, по мнению М. Бритэйна, при освещении войны в Ираке американские СМИ стремились развеять миф о положении женщин в условиях войны исключительно как жертв.

Для демонстрации победы гендерного равноправия в первые месяцы военного вмешательства в СМИ репрезентировалось присутствие в американской армии женщин-военнослужащих: на фоне образов мусульманских женщин, страдающих от гендерного неравенства в репрессивных, отсталых режимах Востока, использовались фотографии белых женщин-солдат из США и Великобритании. Однако наряду с демонстрацией эмансипации женщин по-прежнему часто акцентировались их беспомощность и уязвимость перед лицом угрозы насилия [Brittain, 2006].

Самый известный случай двойственности восприятия женщины в роли, традиционно принадлежавшей мужчине, — история Джессики Линч [Sjoberg, 2010b: 59–61]. Л. Сьоберг описывает случай, произошедший с профессиональной военнослужащей, попавшей в плен в ходе вторжения США в Ирак в 2003 г. СМИ описывали ее как потенциальную жертву пыток и насилия со стороны иракских солдат [Sjoberg, 2007: 90]. Насущная потребность ее освобождения обсуждалась как в обществе в целом, так и на уровне официальных военных структур.

Казалось бы, Джессика Линч была уравнена в правах с мужчинами и ей, как и другим женщинам-солдатам, дали возможность занимать должности в вооруженных силах США, которые изначально предназначались для мужчин. Но СМИ в освещении ситуации ее пленения продолжали транслировать гендерные стереотипы, и женщину-солдата, которая участвовала в вооруженном конфликте, представляли наивной и слабой. В сообщениях о Джессике Линч особый акцент делался на ее аполитичных, ненасильственных и изначально чисто «женских» причинах вступления в армию. Таким образом, транслировалось представление о беспомощной девочке, нуждающейся в защите. «Прекрасный пол» остается «прекрасным» даже с ружьем в руках и в военной форме [Sjoberg, 2007: 86] — поэтическая фраза, характерная для репрезентации ситуации в медиапространстве.

М. Бритэйн отмечала, что история Джессики Линч была направлена на укрепление поддержки вмешательства в Ирак и военного присутствия там США и Великобритании [Brittain, 2006: 81]. Львиная доля медийного пространства в завершающий момент кампании была отдана информации об освобождении Линч — это должно было служить доказательством того, что на войне в первую очередь необходимо защищать невинных женщин. Именно борьба за Линч, а не восприятие ее в качестве солдата стала ключевым моментом в этой истории. Таким образом, Л. Сьоберг подчеркивает, что использование стереотипа о

«прекрасном поле» имеет большое значение как для понимания войн, так и для оправдания их причин [Sjoberg, 2010b: 67].

Наконец, наиболее неоднозначный, на наш взгляд, тип агентности женщины, представленный в современной феминистской литературе, — это роль женщины-террористки. Но если учитывать тот факт, что женщины и их проблемы часто исключаются из государственной политики и военных практик, а также то, что государства, если рассматривать их через призму гендерных отношений, ориентируются прежде всего на интересы мужчин, то можно утверждать, что негосударственные движения на международной арене, в том числе незаконные, действительно могут открывать для женщин новые возможности. Женщины-боевики выступают в многогранной роли руководителей и исполнителей насилия, в то время как их статус в организации остается неопределенным из-за их «девиантного» поведения, каким оно воспринимается в обществе, поскольку выходит за рамки традиционных гендерных ролей.

В последнее время мы видим увеличение количества женщин, участвующих в террористических организациях и поддерживающих деятельность боевиков. Женщины в качестве террористов-смертников стали обычным явлением в современной международно-политической обстановке [Goldstein, 2001]. Гендерные исследования показывают, что невозможность участвовать в обычных формах политической деятельности становится причиной включения женщин в радикальные методы борьбы во многих традиционных и консервативных обществах. Кажущиеся в ситуации конфликта пассивными, беспомощными жертвами, женщины вызывают меньше подозрений, в результате чего их не считают потенциальными террористками и опасными для окружающих. Таким образом, будучи «невидимыми», они приобретают особую привлекательность для террористических организаций [Women, gender and terrorism, 2011].

В частности, в западной научной литературе особое внимание уделяется участию женщин в военном конфликте в Шри-Ланке. В движении «Тигры освобождения Тамил-Илама» (ТОТИ) участвуют мужчины, женщины и даже дети, за что их особенно остро критикует международное сообщество². Около 20% боевиков ТОТИ — женщины-смертницы, уже устроившие целый ряд терактов, в которых было много погибших. Исследователи

²Формально в 2009 г. «Тигры освобождения Тамил-Илама» (ТОТИ) признали свое поражение в гражданской войне и объявили о прекращении огня.

отмечают, что сначала женщины занимались главным образом вопросами материально-технического обеспечения, они оказывали медицинскую помощь, собирали разведывательную информацию. Но затем их стали привлекать к военным действиям, и они превратились в хорошо организованную, дисциплинированную и опытную военную силу [цит. по: Parashar, 2010: 173]. В 1983 г. ТОТИ создали специальное женское подразделение — «Женский фронт Тигров освобождения» [Balasingham, 1993]. С тех пор число женских кадров в рядах организации стабильно росло.

Среди феминистов ведутся дебаты по поводу роли женщин в рамках ТОТИ. Одни указывают на более низкий статус представительниц «слабого пола», их «жертвенность» в рамках патриархального и консервативного общества тамиллов, что не меняется и со вступлением в ряды ТОТИ. Широко распространено мнение, что основной причиной превращения женщин в комбатантов стала нехватка бойцов [Сoomaraswamy, 1996].

Другие феминисты считают, что позитивные изменения в положении женщин в ТОТИ все-таки произошли. Были отменены правила о приданом, ужесточен запрет на домашнее насилие и изнасилования. Д. Раджасингам-Сенанаяке описывает такое положение в ТОТИ как «амбивалентное расширение прав и возможностей», при котором «хотя они, может быть, и вырвались из границ отведенного им положения у домашнего очага и взяли на себя новые роли бойцов, действительно можно утверждать, что они находятся в заложниках у патриархальных националистических устремлений лидера ТОТИ Прабакарана и подвергаются угнетению со стороны военных Шри-Ланки» [Rajasingham-Senanayake, 2004: 141].

* * *

Таким образом, современные гендерные исследования активно освещают роль женщин на войне. Западные феминистские работы расширили привычные представления о женщинах во время боевых действий, поставили под сомнение степень защищенности «слабого пола» со стороны государства при решении вопросов о войне и мире, оспорили распространенную точку зрения о распределении гендерных ролей. В последнее время происходит их трансформация: помимо женщин-матерей и хранительниц очага появляется все больше женщин-террористок и женщин, участвующих в военных действиях наравне с мужчинами. Такая многогранность женского образа во время войны показывает парадоксальность ситуации: при объективном

изменении гендерных ролей гендерные стереотипы остаются устойчивыми, сохраняя заложенную в них пропагандистскую нарузку.

Подобная ситуация, характерная как для зарубежных, так и для отечественных гендерных исследований, говорит о необходимости дальнейшего изучения вопросов, связанных с гендерным измерением проблематики войны и безопасности в международных отношениях. В качестве наиболее перспективных направлений в этой связи можно выделить гендерные аспекты экологической безопасности, роль гегемонной маскулинности в формировании облика современных государств, влияние технологического фактора, в частности новых военных технологий, на роль женщины на войне. Подобных работ пока объективно мало как в отечественной, так и в зарубежной международно-политической науке, и эти вопросы требуют специального освещения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Виноградова С.М. Государство, безопасность, суверенитет: международные отношения в зеркале феминизма // Политэкс. 2010. Т. 6. № 4. С. 53–68.

2. Виноградова С.М., Панцеров К.А. Гендерный мировой порядок: эволюция «феминности» и «маскулинности» (некоторые аспекты теории и практики) // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 6. Философия. Культурология. Политология. Право. Международные отношения. 2016. № 1. С. 97–109.

3. Митрофанова А.В. «Человеческая безопасность» — вызов национальному суверенитету? // Ученые записки. ИАМП. М.: Дипломатическая академия МИД России, 2001. С. 34–53.

4. Сергунин А.А. Российская внешнеполитическая мысль: проблемы национальной и международной безопасности. Нижний Новгород: Нижегородский лингвистический университет, 2003.

5. Тикнер Дж.Э. Мировая политика с гендерных позиций. Проблемы и подходы эпохи, наступившей после «холодной войны». М.: Культурная революция, 2006.

6. Торкунов А.В., Мальгин А.В. Современные международные отношения. М.: Аспект-Пресс, 2012.

7. Цыганков П.А. Теория международных отношений. М.: Юрайт, 2016.

8. Balasingham A.A. Women fighters of the Liberation Tigers. Jaffna: Thasan Printers, 1993.

9. Brittain M. Benevolent invaders, heroic victims and depraved villains: White femininity in media coverage of the invasion of Iraq // (En)gendering the War on Terror / Ed. by K. Hunt, K. Rygiel. London: Ashgate, 2006. P. 73–96.

10. Brouneus K. Truth-telling as talking cure? Insecurity and retraumatization in the Rwandan Gacaca courts // Security Dialogue. 2008. Vol. 39. No. 1. P. 55–76.

11. Brownmiller S. Against our will: Men, women and rape. New York: Simon & Schuster, 1975.

12. Chang I. *The rape of Nanking: The forgotten Holocaust of World War II*. New York: Basic Books, 1997.
13. Coomaraswamy R. Tiger women and the question of women's emancipation // *Pravada*. 1996. Vol. 4. No. 9. P. 8–10.
14. Elstain B.J. Sovereignty, identity, sacrifice // *Millennium: Journal of International Studies*. 1991. Vol. 20. No. 3. P. 395–406.
15. Elstain B.J. *Women and war*. Chicago: University of Chicago Press, 1987.
16. *Encyclopedia of feminist theories* / Ed. by L. Code. London; New York: Routledge, 2002.
17. Enloe C. *Maneuvers: The international politics of militarizing women's lives*. Berkeley: University of California Press, 2000.
18. Farmanfarmaian A. Did you measure up? The role of race and sexuality in the Gulf War // *The geopolitics reader* / Ed. by S. Dalby, P. Routledge, G.Ó Tuathail. London: Routledge, 1998. P. 286–293.
19. Goldstein J.S. *War and gender: How gender shapes the war system and vice versa*. Cambridge: Cambridge University Press, 2001.
20. Hansen L. The little mermaid's silent security dilemma and the absence of gender in the Copenhagen school // *Millennium: Journal of International Studies*. 2000. Vol. 29. No. 2. P. 285–306.
21. Huston N. Tales of war and tears of women // *Women and men's wars* / Ed. by J.H. Stiehm. Oxford: Pergamon Press, 1983. P. 272–282.
22. Keohane R.O. International relations theory: Contributions of a feminist standpoint // *Millennium: Journal of International Studies*. 1989. Vol. 18. No. 2. P. 245–253.
23. Logan S. Remembering the woman in Rwanda: When humans rely on the old concepts of war to resolve conflict // *Affilia: Journal of Women and Social Work*. 2006. Vol. 21. No. 2. P. 234–239.
24. McKay S., Mazurana D.E. *Where are the girls? Girls in fighting forces in Northern Uganda, Sierre Leone and Mozambique: Their lives during and after war*. Montréal: Rights & Democracy, 2004.
25. Orford A. Muscular humanitarianism: Reading the narratives of the new interventionism // *European Journal of International Law*. 1999. Vol. 10. No. 4. P. 679–711.
26. Rajasingham-Senanayake D. Between reality and representation: Women's agency in war and post-conflict Sri Lanka // *Cultural Dynamics*. 2004. Vol. 16. No. 2/3. P. 141–168.
27. Parashar S. Women, militancy and security: The South Asian conundrum // *Gender and international security: Feminist perspectives* / Ed. by L. Sjoberg. London: Routledge, 2010. P. 168–188.
28. Powley E. *Strengthening governance. The role of women in Rwanda's transition*. Washington, D.C.: Hunt Alternatives, 2003.
29. Sjoberg L. Agency, militarised femininity and enemy others: Observations from the War in Iraq // *International Feminist Journal of Politics*. 2007. Vol. 9. No. 1. P. 82–101.
30. Sjoberg L. Introduction // *Gender and international security: Feminist perspectives* / Ed. by L. Sjoberg. London: Routledge, 2010. P. 1–14.
31. Sjoberg L. Women fighters and the 'beautiful soul' narrative // *International Review of the Red Cross*. 2010. Vol. 92. No. 877. P. 53–68.
32. Sylvester C. *Feminist theory and international relations in a postmodern era*. Cambridge: Cambridge University Press, 1994.

33. Tickner J.A. *Gender in international relations: Feminist approaches on achieving global security*. New York: Columbia University Press, 1992.
34. Tickner J.A. Hans Morgenthau's principles of political realism: A feminist reformulation // *Millennium: Journal of International Studies*. 1988. Vol. 17. No. 3. P. 429–440.
35. Van Evera S. *The cult of the offensive and the origins of the First World War // Offense, defense and war / Ed. by M.E. Brown*. Cambridge, MA: MIT Press, 1998. P. 69–118.
36. Wilcox L. *Gendering the cult of the offensive // Gender and international security: Feminist perspectives / Ed. by L. Sjoberg*. London: Routledge, 2010. P. 61–82.
37. *Women, gender and terrorism / Ed. by L. Sjoberg, C.E. Gentry*. Athens: University of Georgia Press, 2011.

T.V. Skorospelova

GENDER PERSPECTIVE IN THE STUDIES OF WAR

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991*

Feminist studies, first introduced in international relations theory back in the Cold War, established themselves as an independent research field in 1990s. From the onset, feminist studies have been focused on the key concepts and notions of the IR theory, such as ‘state’, ‘power’, ‘security’, and ‘war’. It is exactly the role of gender perspective in the studies of war in the modern context which is the central issue of this paper. The first section examines feminist views on traditional gender roles attributed to women at war: the image of mother, the keeper of the hearth, and the image of victim. The author emphasizes that behind these roles lays a much broader set of issues, which involves legitimization of a particular structure of power relations in society in general. The second section focuses on perceptions of new gender roles of women at war, which include the images of a woman as a soldier and a terrorist, both in the academic discourse and in the media. The author underlines a paradox in this regard: whereas the practice of inter- and intrastate conflicts has already resulted in the entrenchment of the new female gender roles, gender stereotypes continue to dominate both the IR theory and mass consciousness. The author concludes that the issues of war and security will continue to play a crucial role in the development of feminist studies in the IR theory and outlines several promising directions for further research in this area.

Keywords: theory of international relations, gender, gender studies, feminism, gender stereotypes, war, security, femininity, masculinity.

About the author: *Tatiana V. Skorospelova* — Doctor of Sciences (History), Associate Professor at the School of World Politics, Lomonosov Moscow State University (e-mail: tvsvs@fmp.msu.ru).

REFERENCES

1. Vinogradova S.M. 2010. Gosudarstvo, bezopasnost', suverenitet: mezhdunarodnye otnosheniya v zerkale feminizma [State, security, sovereignty: International relations in the mirror of feminism]. *Politeks*, vol. 6, no. 4, pp. 53–68. (In Russ.)
2. Vinogradova S.M., Pantserev K.A. 2016. Gendernyi mirovoi poryadok: evolyutsiya 'feminnosti'i 'maskulinnosti' (nekotorye aspekty teorii i praktiki) [Gender world order: The evolution of 'femininity' and 'masculinity' (some aspects of theory and practice)]. *Vestnik of Saint Petersburg University*, series 6, no. 1, pp. 97–109. (In Russ.)
3. Mitrofanova A.V. 2001. 'Chelovecheskaya bezopasnost' — vyzov natsional'nomy suverenitetu? ['Human security' — a challenge to national sovereignty?]. Moscow, Diplomaticheskaya akademiya MID Rossii Publ., pp. 34–53. (In Russ.)
4. Sergunin A.A. 2003. *Rossiiskaya vneshnepoliticheskaya mysl': problema mezhdunarodnoi i natsional'noi bezopasnosti* [Russian thought in foreign policy: International and national security issues]. Nizhnii Novgorod. (In Russ.)
5. Tikner D.E. 2006. *Mirovaya politika s gendernykh pozitsii* [World politics from a gender perspective]. Moscow, Kul'turnaya revolyutsiya Publ. (In Russ.)
6. Torkunov A.V., Mal'gin A.V. 2012. *Sovremennye mezhdunarodnye otnosheniya* [Modern international relations]. Moscow, Aspekt Press Publ. (In Russ.)
7. Tsygankov P.A. 2016. *Teoriya mezhdunarodnykh otnoshenii* [Theory of international relations]. Moscow, Yurait Publ. (In Russ.)
8. Balasingham A.A. 1993. *Women fighters of the Liberation Tigers*. Jaffna, ThasanPrinters.
9. Brittain M. 2006. Benevolent invaders, heroic victims and depraved villains: White femininity in media coverage of the invasion of Iraq. In Hunt K., Rygiel K. (eds.). *(En)gendering the War on Terror*. London, Ashgate, pp. 73–96.
10. Brouneus K. 2008. Truth-telling as talking cure? Insecurity and retraumatization in the Rwandan Gacaca courts. *Security Dialogue*, vol. 39, no. 1, pp. 55–76.
11. Brownmiller S. 1975. *Against our will: Men, women and rape*. New York, Simon & Schuster.
12. Chang I. 1997. *The rape of Nanking: The forgotten Holocaust of World War II*. New York, Basic Books.
13. Coomaswamy R. 1996. Tiger women and the question of women's emancipation. *Pravada*, vol. 4, no. 9, pp. 8–10.
14. Elshstain B.J. 1991. Sovereignty, identity, sacrifice. *Millennium: Journal of International Studies*, vol. 20, no. 3, pp. 395–406.
15. Elshstain B.J. 1987. *Women and war*. Chicago, University of Chicago Press.
16. Code L. (ed.). 2003. *Encyclopedia of feminist theories*. London, Routledge.
17. Enloe C. 2000. *Maneuvers: The international politics of militarizing women's lives*. Berkeley, University of California Press.
18. Farmanfarmaian A. 1998. Did you measure up? The role of race and sexuality in the Gulf War. In Dalby S., Routledge P., Ó Tuathail G. (eds.). *The geopolitics reader*. London, Routledge, pp. 286–293.
19. Goldstein J.S. 2001. *War and gender: How gender shapes the war system and vice versa*. Cambridge, Cambridge University Press.
20. Hansen L. 2000. The little mermaid's silent security dilemma and the absence of gender in the Copenhagen school. *Millennium: Journal of International Studies*, vol. 29, no. 2, pp. 285–306.

21. Huston N. 1983. Tales of war and tears of women. In Stiehm J.H. (ed.). *Women and men's wars*. Oxford, Pergamon Press, pp. 272–282.
22. Keohane R.O. 1989. International relations theory: Contributions of a feminist standpoint. *Millennium: Journal of International Studies*, vol. 18, no. 2, pp. 245–253.
23. Logan S. 2006. Remembering the woman in Rwanda: When humans rely on the old concepts of war to resolve conflict. *Affilia: Journal of Women and Social Work*, vol. 21, no. 2, pp. 234–239.
24. McKay S., Mazurana D.E. 2004. *Where are the girls? Girls in fighting forces in Northern Uganda, Sierra Leone and Mozambique: Their lives during and after war*. Montréal, Rights & Democracy.
25. Orford A. 1999. Muscular humanitarianism: Reading the narratives of the new interventionism. *European Journal of International Law*, vol. 10, no. 4, pp. 679–711.
26. Rajasingham-Senanayake D. 2004. Between reality and representation: Women's agency in war and post-conflict Sri Lanka. *Cultural Dynamics*, vol. 16, no. 2–3, pp. 141–168.
27. Parashar S. 2010. Women, militancy and security: The South Asian conundrum. In Sjoberg L. (ed.). *Gender and international security: Feminist perspectives*. London, Routledge, pp. 168–188.
28. Powley E. 2003. *Strengthening governance. The role of women in Rwanda's transition*. Washington, D.C., Hunt Alternatives.
29. Sjoberg L. 2007. Agency, militarised femininity and enemy others: Observations from the War in Iraq. *International Feminist Journal of Politics*, vol. 9, no. 1, pp. 82–101.
30. Sjoberg L. 2010. Women fighters and the 'beautiful soul' narrative. *International Review of the Red Cross*, vol. 92, no. 877, pp. 53–68.
31. Sjoberg L. 2010. Introduction. In Sjoberg L. (ed.). *Gender and international security: Feminist perspectives*. London, Routledge, pp. 1–14.
32. Sylvester C. 1994. *Feminist theory and international relations in a postmodern era*. Cambridge, Cambridge University Press.
33. Tickner J.A. 1992. *Gender in international relations: Feminist approaches on achieving global security*. New York, Columbia University Press.
34. Tickner J.A. 1988. Hans Morgenthau's principles of political realism: A feminist reformulation. *Millennium: Journal of International Studies*, vol. 17, no. 3, pp. 429–440.
35. Van Evera S. 1998. The cult of the offensive and the origins of the First World War. In Brown M.E. (ed.). *Offense, defense and war*. Cambridge, MA, MIT Press, pp. 69–118.
36. Wilcox L. 2010. Gendering the cult of the offensive. In Sjoberg L. (ed.). *Gender and international security: Feminist perspectives*. London, Routledge, pp. 61–82.
37. Sjoberg L., Gentry C.E. (eds.). 2011. *Women, gender and terrorism*. Athens, University of Georgia Press.